

УДК 94(571.16)"1905/1917"
DOI: 10.17223/19988613/59/8

О.А. Харусь

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК СИБИРСКИХ ПАРЛАМЕНТАРИЕВ В НАЧАЛЕ XX в.

Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6.

На основе определения ключевых социографических параметров предпринят анализ состава депутатов Сибири в Государственных думах первых четырех созывов. Выявлены типичные для депутатского корпуса страны в целом и специфичные для представителей региона социокультурные характеристики. Определены основные мотивы электоральных предпочтений в Сибири и тенденции в изменении электорального поведения граждан в начале XX в.

Ключевые слова: Государственная дума; депутаты; электорат; Сибирь; XX в.

Устойчивый исследовательский интерес к истории парламентаризма в России не является случайным. Обращение к этой проблематике связано с поиском ответов на ключевые вопросы о судьбах и перспективах политической модернизации страны. Важной составляющей процесса формирования гражданского и правового сознания, зарождения демократической культуры общества в начале XX в. стали выборы в Государственную думу. Избирательные кампании и их итоги как в общероссийском масштабе, так и на региональном уровне получили основательное освещение в многочисленных научных трудах. Не составляет исключения в этом плане и электоральный процесс в Сибири. Специалистами собран и систематизирован значительный массив фактического материала, позволяющего формировать комплексное представление о ходе выборов в Государственную думу всех четырех созывов [1–3]. Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что при анализе результатов предвыборной борьбы исследователи, как правило, смещают основной акцент на определение партийно-политических ориентаций кандидатов, одержавших победу над конкурентами, а сами результаты трактуют, прежде всего, как показатель «расстановки партийно-политических сил» в конкретно-исторической ситуации.

Такой подход, по-видимому, в известной степени можно считать наследием советской историографии, для которой было характерно рассмотрение социально-политических процессов исключительно через призму классовой борьбы и, соответственно, в контексте расстановки партийно-политических сил. Между тем едва ли есть основания преувеличивать степень вовлеченности населения Российской империи в политическую борьбу и оценивать электоральное поведение в терминах осознанного выбора в пользу представителей определенных политических партий и течений, поскольку вплоть до 1906 г., когда состоялись выборы в I Государственную думу, у граждан страны не было ни пово-

да, ни, тем более, реальной возможности для политической самоидентификации. Большинство избирателей, высказываясь в поддержку того или иного кандидата, вероятнее всего, руководствовались не столько симпатиями к определенной политической партии, поддержкой ее программных положений и стратегий поведения, сколько субъективными, зачастую неотрефлексированными представлениями о том, кому из претендентов на депутатское кресло можно доверить отстаивание их интересов. Это предположение подтверждается свидетельствами современников, которые, в частности, констатировали: крестьян «не программа интересует, а живой человек» [4. С. 27]. Именно поэтому для выявления предпочтений электората, повлиявших на результаты выборов, значимыми представляются социокультурные характеристики депутатов Государственной думы. Анализ этих характеристик до сих пор не находился в фокусе исследовательских интересов. Пожалуй, единственным исключением в этом отношении можно считать публикацию Ю.П. Родионова, в которой представлена краткая сравнительная характеристика облика депутата-крестьянина и депутата-интеллигента от Сибири по таким параметрам, как возраст, уровень образования, политические предпочтения [5].

Безусловно, проецировать итоги избирательной кампании непосредственно на оценку доминировавших в конкретный период общественных настроений невозможно. Результаты выборов в представительные органы власти определяются совокупным действием целого ряда факторов объективного и субъективного характера: особенности избирательного законодательства, установленная процедура выборов и практика реализации нормативных актов, использование административного ресурса для «корректировки» хода избирательной кампании, состав заявивших о своем намерении принять участие в выборах акторов (индивидуальных и коллективных), интенсивность и качество их агитационно-пропагандистской деятельности,

уровень активности избирателей и их заинтересованности в ходе и исходе выборов и т.д. и т.п. Тем не менее состав избранных депутатов может рассматриваться как индикатор предпочтений электората в заданных обстоятельствах конкретной избирательной кампании. Поэтому реконструкция социокультурного облика сибирских парламентариев призвана внести определенный вклад в исследование настроений общественности региона в ходе выборов в Государственную думу.

Кроме того, сравнительный анализ социографических параметров, характеризующих состав депутатов Сибири в Государственных думах четырех созывов, может служить основанием для выявления изменений в электоральных настроениях и электоральном поведении граждан в начале XX в., а следовательно, и для определения тенденций в развитии политической культуры населения. Несомненный интерес представляет и сопоставление социокультурного облика сибирских парламентариев с социокультурными характеристиками всей совокупности депутатов Российской империи. Решение этой исследовательской задачи позволяет определить, насколько «типичным» на общем фоне российских парламентариев был состав депутатов, избранных населением региона с ярко выраженными особенностями статуса, социальной структуры, экономических и политических условий. Наконец, комплексная характеристика состава сибирских депутатов с учетом различных социокультурных параметров имеет значение и для оценки их потенциальных способностей к представительству интересов региона и компетентному участию в законотворческой деятельности.

Необходимый фактографический материал для реконструкции социокультурного облика сибирских парламентариев к настоящему времени широко представлен в публикациях специалистов, занимавшихся изучением различных аспектов общественно-политической жизни в регионе начала XX в. Большая работа по обобщению имеющихся в распоряжении исследователей фактов была проведена в рамках проекта, инициированного Законодательной думой Томской области в 2010 г. Одним из его практических результатов стало размещение на сайте биографических справок о всех сибирских депутатах Государственной думы в начале XX в. [6]. Взаимодополнение, уточнение и систематизация имеющихся в распоряжении исследователей сведений о сибирских депутатах Государственной думы первых четырех созывов обеспечили основу для реализации исследовательского замысла данной статьи.

Для комплексной реконструкции социокультурного облика сибирских парламентариев был разработан формуляр, охватывающий такие персональные характеристики, как: Ф.И.О., дата и место рождения, национальность, вероисповедание, уровень образования, род занятий, опыт общественной деятельности, подверженность репрессиям, партийная принадлежность / политические предпочтения. Такой набор переменных определяется пониманием социокультурного облика

как совокупности признаков, характеризующих положение представителей определенной группы людей в обществе, их социальные связи, ценностные ориентации, одним из ситуативных компонентов которых являются и политические предпочтения. Все учитываемые при характеристике социокультурного облика парламентариев параметры относятся к моменту их избрания в депутаты Государственной думы соответствующего созыва. Показатели рассчитывались с учетом численного состава депутатов от Сибири (от населения Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний, Акимлинской и Забайкальской областей, Сибирского и Забайкальского казачьих войск), избранных в ходе общих выборов (данные о депутатах III Думы, избранных взамен выбывших по разным причинам представителей региона, приводятся отдельно): 15 депутатов I Думы, 20 – II [1. С. 87], по 11 – III и IV [2. С. 77].

Диапазон возрастных параметров сибирских парламентариев отличался широтой. Самому молодому депутату I Думы крестьянину Д.Н. Немченко (Томская губерния) было 26 лет, а его земляку крестьянину Г.И. Ильину в 1906 г. исполнился 61 год. Во II Думе разрыв в возрасте сибиряков оказался не столь существенным: самым молодым представителем региона стал крестьянин А.Г. Мягкий (30 лет), а самым старшим по возрасту – правительственному агроному Н.Л. Скалзубову и крестьянину Е.И. Шишкину – было по 46 лет. Возраст самых молодых депутатов в III и IV Думе составил 28 лет (Н.В. Некрасов – в III, В.Н. Пепеляев – в IV), при этом самым старшим в III Думе был В.К. Штильке (57 лет), а в IV Думе – В.И. Дзюбинский, которому на момент избрания исполнилось 52 года.

Таблица 1
Возрастной состав сибирских депутатов

Возрастная категория	Численность депутатов							
	I Дума		II Дума		III Дума		IV Дума	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
До 30 лет	1	6,7	–	–	1	9,1	1	9,1
30–39 лет	9	60	14	70	5	45,5	6	54,5
40–50 лет	4	26,6	6	30	3	27,3	3	27,3
Старше 50 лет	1	6,7	–	–	2	18,2	1	9,1

При анализе возрастного состава сибирских парламентариев обращает на себя внимание заметное преобладание в первых двух Думах депутатов в возрасте до 40 лет (66,7% – в I Думе, 70% – во второй). Однако едва ли на этом основании можно делать однозначные выводы о повышенном радикализме их настроения и, соответственно, настроения избравших их сибиряков. Политическая биография некоторых сибирских парламентариев позволяет поставить под сомнение наличие корреляционной зависимости между зрелым возрастом и усилением консервативных настроений. С одной стороны, пример депутата III Думы от Енисейской губернии, бывшего народовольца, члена кадетской партии с

1905 г. В.А. Караулова (1854 г.р.), заметно «поправевшего» к финалу своей политической карьеры, выглядит, казалось бы, убедительным доказательством тезиса о влиянии количества прожитых лет на степень радикализма взглядов представителей интеллигенции [5. С. 160–161]. С другой стороны, члену фракции партии народной свободы В.К. Штильке то обстоятельство, что он был на четыре года старше В.А. Караулова, не помешало сохранить приверженность либеральным идеям. С возрастом не претерпели сколько-нибудь существенных изменений и политические позиции В.И. Дзюбинского, вступившего в начале 1880-х гг. в народовольческую организацию, активно пропагандировавшего социалистические идеи и ставшего одним из активнейших членов фракции трудовиков в III, а затем и в IV Думе.

Примечательно, что сибирские депутаты в возрасте до 40 лет явно доминировали по отношению к другим возрастным группам также в III и IV Государственных думах (54,6 и 63,6% соответственно), выборы в которые проходили на основе принципиально иного избирательного закона от 3 июня 1907 г. Ситуацию в пользу парламентариев в возрасте от 40 до 50 лет в III Думе несколько изменили дополнительные выборы, в результате которых численность представителей двух возрастных категорий – от 30 до 40 лет и от 40 до 50 – сравнялась и составила по пять человек в каждой. Однако в целом состав сибирских депутатов «омолодился», поскольку вновь избранные представители Сибири были заметно моложе своих предшественников. Так, избранный от Томской губернии в 1908 г. священник В.В. Климов был на 18 лет моложе В.К. Штильке, которого он заменил в Думе в связи со смертью последнего. Депутату от Томской губернии А.А. Скороходову было 40 лет на момент избрания вместо отказавшегося от депутатского кресла (по болезни) Ф.И. Милошевского, который стал депутатом в 45 лет. Разница в возрасте скончавшегося в 1910 г. В.А. Караулова и заменившего его в качестве депутата от Енисейской губернии в 1911 г. С.В. Востротина составляла 10 лет, первому на момент избрания в III Думу было 53 года, второму – 47 лет. В целом же по возрастным параметрам сибиряки заметно выделялись на общем фоне депутатов, большая часть которых перешагнула 40-летний рубеж [7].

Вместе с тем национальный и конфессиональный состав сибирских парламентариев не отличался своеобразием в сравнении с общими характеристиками депутатского корпуса: абсолютное большинство в их среде составляли русские (I Дума – 86,6%, II – 80%, III – 91%, IV – 100%) и православные (I Дума – 93,3%, II – 80%, III – 91%, IV – 100%). Не обнаруживает сколько-нибудь существенной специфики и анализ образовательного уровня представителей Сибири в Думе. Показатели относительной численности лиц с высшим и с самым элементарным образованием в составе сибирских депутатов и депутатского корпуса России в

целом являются вполне сопоставимыми, хотя процент сибиряков с высшим образованием или когда-либо обучавшихся в высших учебных заведениях был несколько ниже (в среднем примерно на 5%), как, впрочем, и процент лиц с низшим образованием (табл. 2).

Таблица 2
Уровень образования сибирских депутатов

Уровень образования	Численность депутатов							
	I Дума		II Дума		III Дума		IV Дума	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Высшее / неоконченное высшее	5/1	33,3/6,7	9	45	4/1	36,4/9,1	4/1	36,4/9,1
Среднее	1	6,7	5	25	4	36,4	4	36,4
Низшее (в т.ч. домашнее и самообразование)	8	53,5	6	30	2	18,1	2	18,1

В данном случае есть основания экстраполировать выводы исследователей по поводу уровня образования депутатского корпуса всех четырех дум в целом на характеристику сибирских депутатов по этому параметру. Во-первых, уровень образования членов Государственной Думы был значительно выше, чем в целом по стране, 70,7% граждан которой оставались неграмотными (в Сибири же грамотные составляли всего 12,3% населения). Во-вторых, очевидно повышение образовательного уровня парламентариев с каждыми новыми выборами. Можно предположить, что эта тенденция была связана с постепенным формированием у избирателей мнения о способности депутатов, обладавших специальными знаниями, определенным культурным уровнем, широким кругозором, навыками публичного выступления, более компетентно представлять их интересы. По мере накопления опыта парламентаризма электоральное поведение становилось менее эмоционально окрашенным, а выбор избирателей приобретал рациональный характер.

Дать корректную характеристику сословного состава депутатов от Сибири не представляется возможным ввиду неполноты имеющихся сведений об их сословном происхождении. Впрочем, в начале XX в. значимость этого параметра как индикатора социального статуса постоянно снижалась в связи с интенсивным разрушением сословной структуры российского общества. Сословное происхождение не оказывало детерминирующего влияния на выбор жизненного пути и определение места человека в социуме. Сыновьями священников были врачи А.И. Макушин (депутат I Думы от Томской губернии) и А.К. Виноградов (депутат II Думы от Акмолинской области), присяжный поверенный П.В. Вологодский (депутат II Думы от Томской губернии), профессор Н.В. Некрасов (депутат III и IV Думы от Томской губернии). Мещанин С.И. Колокольников к моменту избрания депутатом I Государственной думы от Тобольской губернии являлся купцом I гильдии, а выходец из купеческого со-

словия, депутат II Думы от Енисейской губернии И.К. Юдин служил конторщиком, доверенным в оптовом магазине, а позднее – управляющим пароходства. Дворянами по происхождению были депутаты III Думы частный поверенный В.А. Караулов (Енисейская губерния) и учитель В.К. Штильке (Томская губерния). Есть основания полагать, что род занятий, профессиональная деятельность этих и многих других участников предвыборных кампаний имели для избирателей большее значение, чем сословное происхождение.

Таблица 3
Профессиональная деятельность сибирских депутатов

Род занятий	Численность депутатов							
	I Дума		II Дума		III Дума		IV Дума	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Врачи, фельдшеры	3	20	2	10	1	9,09		
Учителя	1	6,7	3	15	2	18,18	2	18,18
Священнослужители			1	5				
Присяжные поверенные, судьи			2	10	2	18,18		
Профессора			1	5	1	9,09	1	9,09
Чиновники	2	4,8	3	15				
Мелкие служащие	1	6,7	3	15	2	18,18	3	27,27
Крупные предприниматели	1	6,7					1	9,09
Мелкие предприниматели	2	4,8	1	5			3	27,27
Агрономы					2	18,18	1	9,09
Земледельцы и скотоводы	5	33,3	4	20	1	9,09		

Анализ состава сибирских парламентариев по роду основных занятий (табл. 3) обнаруживает ряд особенностей в сравнении с профессиональным составом депутатского корпуса в целом. Наиболее существенными из них являются следующие: 1) вполне естественное с учетом специфики социально-экономического развития региона отсутствие в числе депутатов помещиков, относительная численность которых была значительной в Думе всех четырех созывов [7]; 2) отсутствие представителей рабочих, обусловленное незначительным удельным весом, низкой концентрацией и невысоким уровнем политической активности этой группы населения.

Очевидной тенденцией, характеризующей изменения в составе сибирских депутатов от первого созыва Думы к четвертому, стало сокращение числа лиц, занятых в сфере сельского хозяйства (земледелие и / или скотоводство). В данном случае определенную роль сыграли изменения в избирательном законодательстве, связанные с резким сокращением представительства от крестьянского населения Сибири. А вот более чем скромное представительство священнослужителей в составе сибирских депутатов, вполне возможно, объяснялось «состоянием умов» избирателей края, повышенным градусом оппозиционного настроения по отношению к правительству, который мог распространяться и

на служителей церкви, оказывавших поддержку политике центральных властей. В ходе избирательной кампании во II Государственную думу жители Енисейской губернии поддержали кандидатуру минусинского священника о. Александра Бриллиантова. Однако считать этот выбор данью уважения к духовному сану не приходится. А.И. Бриллиантов снискал популярность и авторитет у местного населения, прежде всего, активным участием в общественной жизни. Он состоял членом сельскохозяйственного общества, являлся товарищем (заместителем) председателя общества начального образования, а после издания Манифеста 17 октября 1905 г. был избран членом комитета по устройству митингов. По своим политическим взглядам А.И. Бриллиантов примыкал к эсерам, позднее стал членом этой партии и в Думе вошел во фракцию социалистов-революционеров. С высокой степенью вероятности можно предположить, что и избрание в 1908 г. депутатом III Думы от Томской губернии вместо скончавшегося В.К. Штильке священника В.В. Климова также объяснялось, в первую очередь, его активной общественной деятельностью: он заведовал церковно-приходской школой, являлся председателем «попечительства о бедных» при Александро-Невской церкви, состоял членом бийского отделения Томского епархиального училищного совета. На предвыборных собраниях В.В. Климов публично заявлял о необходимости реформирования общественного устройства страны, а будучи избранным депутатом вошел во фракцию прогрессистов.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что последнее значение для выбора избирателей в пользу того или иного кандидата имели его активная гражданская позиция и участие в общественной жизни. Это предположение подтверждают сведения об имевшемся у победителей предвыборного марафона опыте общественной деятельности (табл. 4).

Таблица 4
Общественная деятельность сибирских депутатов

Формы социальной активности	Численность депутатов							
	I Дума		II Дума		III Дума		IV Дума	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Выборные должности в органах местного самоуправления и сословных организациях	5	33,3	7	35	3	27,3	4	36,4
Членство в общественных организациях (культурно-просветительные, профессиональные, благотворительные)	1	6,7	7	35	8	73	7	63,6
Участие в оппозиционных выступлениях (митинги, стачки, забастовки, акции протеста)	3	20	5	25	1	9	4	36,4

Относительная численность лиц, имевших некоторый опыт работы на выборных постах в органах мест-

ного самоуправления и сословных организациях (например, гласный городской думы, волостной старшина, городской староста, сельский староста, доверенный крестьян и т.п.), в составе сибирских парламентариев сохраняла устойчивые значения во всех четырех думах. Вероятно, одним из мотивов, которым руководствовались отдававшие им свои голоса избиратели, являлось желание делегировать в представительное учреждение людей, имевших хотя бы некоторый опыт такого рода деятельности. Кандидаты в депутаты, являвшиеся активными членами культурно-просветительных, профессиональных, благотворительных организаций, были, как правило, хорошо известны избирателям и пользовались у них хорошей репутацией. Поэтому увеличение числа таких людей в составе сибирских парламентариев также представляется вполне закономерным. Наконец, нельзя не отметить, что избиратели оказывали поддержку и тем кандидатам, которые к моменту проведения очередной предвыборной кампании проявили себя как участники различных протестных акций. Были в числе одержавших победу на выборах и лица, чья гражданская активность не осталась незамеченной властями и была отмечена применением по отношению к ним различных мер административного или судебного воздействия (ссылка, арест, увольнение, исключение из университета). В числе сибирских депутатов I Думы таких было 3, во II – 3, в III – 2, в IV – 5. Можно предположить, что по отношению к ним часть электората испытывала определенное сочувствие, что так свойственно российскому менталитету: они были окружены неким ореолом невинно пострадавших поборников справедливости.

Повышенный на фоне общероссийского уровень оппозиционности населения Сибири, обусловленный дискриминационной политикой центральных властей в отношении региона, нашел отражение в отказе поддерживать на выборах консервативно настроенных кандидатов. Единственным исключением в этом плане стало избрание в 1906 г. депутатом I Государственной думы от Томской губернии члена «Союза 17 октября» Е.С. Ерлина.

Таблица 5

Политические ориентации сибирских парламентариев

Политические ориентации депутатов	Численность депутатов							
	I Дума		II Дума		III Дума		IV Дума	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Консервативные («Союз 17 октября»)	1	6,7						
Либеральные	6	40	4	20	5	45,45	6	54,55
Революционно-демократические	3	20	9	45	5	45,45	5	45,45
Нейтральные	5	33,3	7	35	1	9,1		

Поскольку основной задачей данного исследования являлось определение доминировавших во время выборов общественных настроений, в табл. 5 зафиксиро-

ваны политические предпочтения кандидатов, заявленные ими в ходе избирательной кампании. Впрочем, включение в парламентскую деятельность не повлекло за собой сколько-нибудь принципиальных изменений в их политических позициях. Примеров, связанных с уточнением сибирскими депутатами своего политического выбора, не так много. В частности, представители Тобольской губернии Т.В. Алексеев и А.Н. Ушаков, будучи избранными в I Думу по кадетским спискам, вошли во фракцию трудовиков. В свою очередь, депутаты от Томской губернии Г.И. Ильин, Д.И. Немченко, Е.П. Пуртов, не заявлявшие о принадлежности к какой-либо партии, примкнули в I Думе к кадетам. Однако по мере формирования основ парламентской культуры интенсифицировался и процесс политической самоидентификации граждан: как тех, кто претендовал на депутатское кресло, так и тех, кто делал выбор в пользу определенных кандидатов. Неслучайно в числе победителей на выборах IV Государственной думы не было ни одного представителя Сибири, который бы оставил избирателей в неведении относительно своих политических пристрастий.

Однако отмечая начавшийся процесс политической самоидентификации населения Сибири, нельзя не признать, что важным фактором, определявшим логику электорального поведения в начале XX в., оставались представления о способности того или иного кандидата отстаивать специфические интересы региона. Можно предположить, что способностями такого рода сибиряки были склонны наделять прежде всего уроженцев края и тех, кто прожил здесь большую часть своей сознательной жизни. Действительно, коренные сибиряки были представлены довольно широко: 7 (46,7%) в I Думе, 13 (65%) во II, 4 (36,4%) в III, 7 (63,6%) в IV. Некоторые депутаты к моменту избрания прожили в Сибири более 15 лет: в I Думе – 1, во II, III и IV – по двое в Думе каждого созыва. И все же, по-видимому, место рождения и длительность проживания кандидатов в Сибири не имели решающего значения для определения предпочтений выборщиков, которые не связывали напрямую с этими обстоятельствами потенциал кандидата как представителя и защитника интересов региона. Опыт парламентской деятельности подтвердил отсутствие зависимости такого рода. Депутаты III Думы Н.В. Некрасов и Н.К. Волков к моменту избрания прожили в Сибири менее 5 лет, что не помешало им стать едва ли не самыми активными поборниками интересов региона в Думе. Неслучайно на выборах в IV Государственную думу избиратели в очередной раз отдали им свои голоса. К тому же как в третьей, так и в четвертой Думе именно Н.К. Волков в качестве избранного председателя возглавлял сибирскую парламентскую группу, основная миссия которой состояла в разработке и внесении в Думу законопроектов, касающихся Сибири.

Предпринятый анализ социокультурных характеристик сибирских парламентариев позволяет сделать сле-

дующие выводы. Во-первых, более высокий образовательный уровень депутатов III и IV Государственной думы по сравнению с их предшественниками, а также заметное увеличение в рядах победителей на выборах числа лиц, известных активным участием в общественной жизни, свидетельствуют об изменении предпочтений избирателей в пользу кандидатов, обладавших большими интеллектуальными ресурсами и определенным опытом общественной деятельности. Во-вторых, более молодой на общем фоне депутатского корпуса состав сибирских парламентариев, как и приверженность их либеральным и демократическим ценностям можно объяснить особенностями доминировавших в регионе общественных настроений: осознание неравноправного статуса Сибири в Российской империи питало критическое отношение к политике правительства, а стремление к преодолению этого статуса и понимание всей сложности отстаивания интере-

сов региона перед центральной властью побуждало делегировать соответствующие полномочия людям достаточно зрелым, но при этом обладавшим необходимой энергией и амбициями.

В целом по мере накопления опыта парламентаризма электоральное поведение становилось все более осознанным, а выбор депутатов от региона – все более рациональным. При этом и потенциал сибирских парламентариев, необходимый для реализации представительских и законотворческих функций, также усиливался, свидетельством чего являлись их возрастающая с каждым новым созывом Государственной думы активность в выдвижении законодательных инициатив и формировании депутатских запросов, деятельное участие в работе различных думских комиссий и партийных фракций. Отмеченные обстоятельства в совокупности можно расценивать как значимый показатель поступательного процесса развития парламентской культуры в России начала XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Родионов Ю.П. Хроника избирательных кампаний в I и II Государственные думы в Сибири // Материалы к хронике общественного движения в Сибири. 1895–1917 гг. Томск, 1994. С. 86–110.
2. Родионов Ю.П. Хроника избирательных кампаний в III и IV Государственные думы в Сибири // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Томск, 1995. Вып. 2. С. 77–96.
3. Шиловский М.В. Организация и проведение выборов в I–IV Государственные думы в Сибири (1906–1913 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 5 (25). С. 29–34.
4. Родионов Ю.П. Отношение населения Сибири к Государственной думе в начале XX в. (1907–1912 гг.) // Омский научный вестник. Исторические науки. 2009. № 3 (78). С. 24–28.
5. Родионов Ю.П. Социокультурные характеристики сибирских депутатов Государственной думы начала XX века // Вторые архивные чтения памяти М.В. Грабаря : тезисы докладов и сообщений. Омск : Изд-во полигр. центр ОмГМА, 2005. С. 156–162.
6. Сибиряки – депутаты Государственной думы (1906–1917 гг.) // Законодательная Дума Томской области. 2019. URL: https://duma.tomsk.ru/content/sibirjaki_deputaty_gosudarstvennoj_dумы_19061917_gg
7. Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н. Парламент самодержавной России: Государственная Дума и ее депутаты, 1906–1917. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1995. 168 с. URL: http://vivovoco.ibmh.msk.su/VV/BOOKS/DUMA/CHAPTER_3.HTM (дата обращения: 06.03.2019).

Olga A. Kharus. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: kharus-olga@sibmail.com

SOCIAL AND CULTURAL CHARACTERISTICS OF THE SIBERIAN DEPUTIES OF THE STATE DUMA AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Keywords: State Duma; deputies; voters; Siberia; twentieth century.

The author aims to identify peculiarities and dynamics of the electoral sentiments in Siberia at the beginning of the 20th century basing on the analysis of the social and cultural characteristics of the Siberian deputies in the first four State Dumas. The empirical base of the research was formed by the improvement and systematization of the odd bits of information on the Siberian deputies from the scientific literature. To reconstruct the socio-cultural image of deputies, the author developed a form containing the following personal characteristics: name, date and place of birth, nationality, confession, education, occupation, social activity experience, political orientation. The analysis showed that, in many aspects, the specificity of composition of the Siberian deputy corps was determined by the public sentiments that were dominating in the region. In all elections, voters always supported those candidates who had liberal and social-revolutionary views. Such electoral behavior was mostly motivated by dissatisfaction with the discriminatory policy of the central authorities towards the region. In comparison to other deputies of the Duma, Siberian representatives were younger. It can be explained by the desire of the voters to delegate authority to people who had enough energy and ambitions to defend regional interests. Comparative analysis of the sociographic characteristics of the corps of Siberian deputies in the first four State Dumas allows for the conclusion that voters' preferences shifted in favor of the candidates who had more intellectual resources and some experience in public activity. It is evident from the higher level of education that deputies of the Third and Fourth Duma had compared to their forbearers, and from the notable increase of the number of deputies who were famous for their reputation of active members of cultural, educational, professional, and charity organizations. In addition to that, the process of the political self-identification of voters intensified. On the elections to the first State Duma, 5 of the 15 winning candidates did not have clear political preferences, and, during the Second Duma campaign, 7 of the 20 elected deputies stated their political neutrality. But, among the elected deputies of the Fourth Duma, there were no Siberian representatives who had not made their political affiliations or interests clear to the voters. In the whole, basing on the analysis of the socio-cultural characteristics of the corps of Siberian deputies in the first four Dumas, the author concludes that the parliamentary culture in Russia was progressively developing in the beginning of the twentieth century. Among other things, it showed itself in the increase of rational motives in electoral preferences and behavior.

REFERENCES

1. Rodionov, Yu.P. (1994) *Khronika izbiratel'nykh kampaniy v I i II Gosudarstvennye dумы v Sibiri* [Chronicle of election campaigns in the I and II State Dumas in Siberia]. In: Zinoviev, V.P. (ed.) *Materialy k khronike obshchestvennogo dvizheniya v Sibiri. 1895–1917 gg.* [Materials for the chronicle of the social movement in Siberia. 1895–1917]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 86–110.

2. Rodionov, Yu.P. (1995) Khronika izbiratel'nykh kampaniy v III i IV Gosudarstvennyye dумы v Sibiri [Chronicle of election campaigns in the III and IV State Dumas in Siberia]. In: Zinoviev, V.P. (ed.) *Materialy k khronike obshchestvennogo dvizheniya v Sibiri. 1895–1917 gg.* [Materials for the chronicle of the social movement in Siberia. 1895–1917]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 77–96
3. Shilovskiy, M.V. (2013) Organization and Conduct of the I - IV State Dumas Elections in Siberia (1906-1913). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History.* 5(25). pp. 29–34. (In Russian).
4. Rodionov, Yu.P. (2009) The attitude of Siberian inhabitants towards State Duma at the beginning of the 20th century (1907–1912). *Omskiy nauchnyy vestnik. Istoricheskie nauki – Omsk Scientific Bulletin. History.* 3(78). pp. 24–28. (In Russian).
5. Rodionov, Yu.P. (2005) Sotsiokul'turnye kharakteristiki sibirskikh deputatov Gosudarstvennoy dumy nachala XX veka [Socio-cultural characteristics of the Siberian deputies of the State Duma at the beginning of the 20th century]. In: *Vtorye arkhivnye chteniya pamyati M.V. Grabarya* [Second Archival Readings in memory of M.V. Grabar]. Omsk: OmGMA. pp. 156–162.
6. The Legislative Duma of Tomsk Region. (2019) *Sibiryaki – deputaty Gosudarstvennoy dumy (1906 – 1917 gg.)* [Siberians deputies of the State Duma (1906–1917)]. [Online] Available from: https://duma.tomsk.ru/content/sibirjaki_deputaty_gosudarstvennoj_dumy_19061917_gg.
7. Kiryanov, I.K. & Lukyanov, M.N. (1995) *Parlament samodержавnoy Rossii: Gosudarstvennaya Duma i ee deputaty, 1906–1917* [The parliament of autocratic Russia: the State Duma and its deputies, 1906–1917]. Perm: Perm State University.